

На правах рукописи

Горбулёва Мария Сергеевна

**РОЛЬ СИМВОЛА МЕЧА
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ**

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Томск – 2011

Работа выполнена на кафедре истории и философии науки
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Томский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор,
Мелик-Гайказян Ирина Вигеновна

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор,
Кокаревич Мария Николаевна

кандидат философских наук, доцент
Петренко Валерия Владимировна

Ведущая организация: Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова

Защита состоится «09» ноября 2011 г. в 09:30 на заседании
диссертационного совета Д 212.266.02 при ФГБОУ ВПО «Томский
государственный педагогический университет» по адресу: 634041, г. Томск,
пр. Комсомольский, 75, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО
«Томский государственный педагогический университет».

Текст автореферата размещен на официальном сайте ГОУ ВПО «Томский
государственный педагогический университет» <http://www.tspu.edu.ru>
«__» _____ 2011 г.

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

С.Б. Куликов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современной социокультурной ситуации, определяемой постоянно увеличивающимся объемом информационных потоков, проявляются проблемы, связанные с регулированием семиотических взаимодействий. Вместе с тем, в эпоху информационного общества надежды на избавление от проблем экологической безопасности, военной угрозы и отчуждение человека от интеллектуальных завоеваний не оправдались. Эти проблемы приобрели новое качество: проблемы безопасности стали проблемами информационной безопасности, военные действия сопровождаются семиотической агрессией, а обращение к культурному наследию требует нового качества в отношении к информационным ресурсам. Агрессивность семиотической среды обитания человека диктует новые правила, по которым человек должен уметь считывать преподносимую ему информацию, и новую степень ответственности за личный выбор образа жизни в условиях дифференциации культурных ролей.

Актуальность темы диссертационной работы определяется тем, что исследования роли символа в информационном обществе на сегодняшний день имеют немалую значимость. В контексте этой проблемы в диссертации исследуется роль и действие символа такого предмета, который утратил свои утилитарные качества в культуре – символ меча в современной культуре.

Принадлежность меча к культуре обусловлена его присутствием во всех культурных жанрах и в хранилищах культурной памяти. Утрата утилитарного значения меча не прекратила его присутствия в культурных формах, а определила его существование как символа. При этом символ меча актуализирован во многих молодежных субкультурах. Примером чему являются многочисленные общества реконструкторов истории, молодежные объединения (фэнтези, анимэ, ролевики etc.). Социологические исследования фиксируют системообразующее присутствие меча в семиотических выражениях маргинальных молодежных объединений.

Таким образом, меч, уйдя из действительности практической, тем не менее, живет в действительности достаточно большого числа людей как символ и артефакт. Его значение и роль на семиотическом уровне практически не меняется. Выяснению причины и необходимости такой неизменности присутствия символа меча посвящено диссертационное исследование, основная интенция которого выражена в вопросе: «что дает такой архаичный предмет человеку в современном информационном обществе и почему неизбежно его присутствие в культуре не только в качестве оружия».

Степень разработанности темы. Исследование проблемы воздействия и роли символов меча неизбежно опирается на большой пласт литературы. Достаточно внушительная часть источников посвящена истории оружия, его классификации и существования в культуре. Необходимо сразу оговориться, что зачастую мечи исследуются неразрывно от техники их использования – фехтования. В контексте нашего исследования важен аспект, связанный с теми требованиями, которые предъявляются к индивиду и сама практика владения

мечом – фехтование. Так как это не просто техника боя, но воспитание определенных необходимых личностных качеств.

Труды зарубежных (Р. Бертон, П. фон Винклер, В. Гехайн, Т. Лайбле, П. Коннолли, М.Д. Коэ, Э. Норт, Э. Окшотт, Т. Ричардсон, Д. Дж. Ла Рокка, К. Спринг, Ф. Уилкинсон, Э. Хадинг, В. Харрис, А. Хаттон и др.) и отечественных (Ю.Г. Гуревич, А.А. Маслов, С.В. Мишенев, А.Д. Мовшович, К.С. Носов, В.В. Тараторин, Д.А. Тышлер и др.) исследователей рассматривают, прежде всего, тактико-техническую эволюцию оружия как предмета, историю владения им (фехтования), практические особенности.

В историко-культурологическом ракурсе значение меча освещается большим количеством зарубежных (Г. Венделен, Ф. Кардини, Дж. Флори) и отечественных (Н.И. Басовская, В.А. Ведюшкин, А.В. Востриков, Я.А. Гордин и др) авторов.

В XIX веке, когда мечи уже были больше ярлыком и атрибутом, появилась наука – хоплология¹, которая является богатым полем для исследований вместе со смежными дисциплинами – психологией боевых действий, антропологией и военной историей. Предметность оружия изучена и продолжает исследоваться молодым научным направлением сегодня. Оружие и действия им представляют интерес для исследований и новых методик, теорий, открытий в этой области.

Перечисленные исследовательские направления охватывают всю историю холодного оружия и представляют различные классификации мечей, тактику и технические особенности производства, владения и обращения с ним. Таким образом меч как артефакт изучен подробно.

Популярность меча в современной культуре выражена во многих массовых проектах, где можно обнаружить различные теории статусности меча, а также соотношения оружия и человека, который им владеет. К таким проектам можно отнести некоторые из популярных жанров литературы: фантастика – Терри Брукс «Звездные войны», фэнтези представлено знаменитой трилогией оксфордского профессора Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец», а также славянским циклом М. Семенович, оригинальными книгами Г.Л. Олди, Н. Перумова и др. Культурный резонанс, произведенный этими проектами стал предметом самостоятельных исследований таких авторов как У. Гуин, Д. Дуган, К. Митчелл, М. Ле Штейнман и др.

Популярность таких проектов имеет опору в истории культуры. Важнейшими источниками являются скандинавские саги, кельтские предания, эпические поэмы («Беовульф», «Песнь о Роланде», «Кольцо Нибелунга», «Песнь о моем Сиде», «Сказание о короле Артуре и рыцарях Круглого стола»). Художественная литература Нового времени (приключенческие романы А. Дюма, В. Скотта, Р. Сабатини, Р. Хоупа, А.П. Риверте и др.) продолжают эту традицию, естественно, видоизменяя ее с позиций современных авторов

¹ Хоплология - научная дисциплина, которая изучает поведение и действия человека в бою. Слово произошло от греческих терминов *hoplos* (мифическое бронированное существо) и *hoplit* (тяжеловооруженный воин). Термин был впервые введен исследователем и лингвистом сэром Ричардом Бёртоном (Sir Richard Burton) в XIX веке.

представлений. Поэтому они могут служить любопытным источником по восприятию холодного оружия во времена написания данных романов.

Жизнь и востребованность этого символа в культуре подтверждается существованием маргинальных, ролевых, фэнтезийных субкультур, которые исследуются авторами разных направлений (Г. Грунди, О.Г. Заярная, А.И. Серавин, М. Фостер, Л.В. Шабанов и др.). У данных исследователей представлены различные классификации субкультур по направленности, теории их образования и динамике.

Философско-культурологические аспекты проблемы представлены в работах А.Я. Гуревича, Э.Э. Виоле-ле-Дюка, М. Фуко, У. Эко. В трудах этих авторов показано существование предметов, феноменов, норм в различных временных, культурных и социальных рамках.

Роль символа в культурологических интерпретациях истории рассматривалась в трудах Школы Анналов, в частности Ж. Ле Гоффом. На философском уровне эта роль была обозначена Э. Кассирером. Идеи Э. Кассирера о роли символа в языке, мифе, религии и искусстве нашли воплощения в многочисленных трактовках мифо-религиозной символики холодного оружия, символики меча в языковых и знаковых системах, символов клинкового оружия в светском и религиозном искусстве. Однако понимание символа как взаимообусловленности бытия человека и культуры, понимание того, что, творя культуру, человек творит ее для себя, погружаясь в нее, практически не может существовать вне культуры, не объясняет нарастающего присутствия именно символа меча в современной культуре. Философские рассуждения С.К. Лангер, синтезирующие выводы Э. Кассирера, концепцию символизма А.Н. Уайтхеда и концепцию симеозиса Ч.С. Пирса, акцентировали круг вопросов, касающихся специфики и структуры символа, его роли в самых различных сферах знания и культуры, философии, науке, художественном творчестве, мифе и ритуале. Дополнением этому стали семиотические исследования культуры. Согласно теории Ю.М. Лотмана, символы являются отражением мировоззрения, миропонимания и отношения людей к миру, другим людям и также самоотождествлением каждого индивидуума. Символы служат регуляторами общественных отношений. Все это вошло в аргументацию принятой автором позиции по рассмотрению символических выражений меча и поединка в качестве одной из функций социальной структурности. Так меч – знак статуса, элитарности, аристократии, благородства, а поединок – ритуал благородных людей и единственно для них возможный способ решения спора. Для обладателя меча это оружие становится воплощением свободы и ответственности, их знаком.

Философско-антропологический спектр проблем представлен в работах исследователей различных направлений. К.Г. Юнг и К. Леви-Стросс в разное время рассматривали коллективное бессознательное, архетипические образы и мотивы в человеческой истории и культуре, а также значение их участия в процессах смыслопорождения и творческого самораскрытия субъекта, обозначения новых сфер его самореализации, духовного обогащения личности и ее сопричастности с человеческим сообществом как духовной целостностью.

Вместе с тем все эти исследования не дают ответа на вопрос почему из всех видов оружия именно меч неизменно живет в культуре, и не раскрывают его роли как символа в достаточной мере.

В этнопсихологическом направлении культурной антропологии М. Мид и Р. Бенедикт был внесен вклад в изучение коммуникации между взрослыми и детьми, игр с детьми, способов руководства детьми и связанным с этим формированием личности индивида. Семиотические интерпретации временного и пространственного восприятия человека проблематизированы в трудах В.В. Иванова. Это определило обращение автора к игровому подходу (Й. Хейзинга, М. Шелер и др.). В работах Й. Хейзинга игра представлена как культурно-историческая универсалия: мудрость и знание свидетельствовались на освященных соревнованиях; источник права – обычаи социальной игры. Игровые формы являются основой улаживания споров с помощью оружия и условностей аристократической жизни. Война – игра по строгим правилам.

Это нашло преломление в знаковых работах Э. Берна и современных исследователей. Игровой подход для исследования реакций современной культуры получил продолжение во многих исследованиях, например, в работах Н.А. Колодий, В.В. Петренко.

Таким образом, присутствие меча в современной культуре показано в единичных исследованиях, в которых прослеживается концептуальная нить многих традиций, а семиотическая эволюция символа рассмотрена в традициях философии культуры, мало касаясь предметности меча, упоминания которого имеют сопроводительный, общий характер. Проблему познавательной ситуации составляет отсутствие применения исследовательских средств, релевантных многомерному присутствию символа меча в современной культуре. В контексте исследований современной культуры символика меча, его общие трактовки, историко-культурная динамика предмета и образа рассматривается и анализируется как поверхностный слой. В этом же контексте арсенал средств постнеклассической методологии применен к исследованию глубинных слоев восприятия, трактовки и транслирования символики индивидом (Ф.И. Гиренок, В.Г. Ланкин, И.В. Мелик-Гайказян, Л.П. Киященко, Е.Н. Князева, М.Н. Кокаревич, В.М. Розин, Я.И. Свирский). Данные работы явились основой и примером концептуального моделирования как способа выявления антропологических конфигураций современной реальности в философско-культурологических исследованиях. В связи с этим важными для выработки стратегии диссертационного исследования были результаты, полученные на основе применения концептуальных моделей И.В. Мелик-Гайказян, в диссертациях Е.А. Жуковой, О.Ю. Максименко, Е.Н. Роготневой, Н.В. Черепановой. В этом ряду следует особо отметить работу О.Ю. Максименко «Роль утопической идеи в социокультурной динамике», в которой впервые была установлена корреспонденция между системными функциями и формами культуры на основе модели семиотической динамики. Вместе с тем роль символа меча в современной культуре на фоне упомянутых исследований и точек зрения остается не выясненной. Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что исследований роли символа меча на

основе постнеклассической методологии нет. Не получили ясного объяснения причины и алгоритмы, обеспечивающее сегодня существование артефактов и феноменов культуры, которые укрепляют свое значение при утилитарном забвении. Таким образом, **объектом** данного исследования является меч как символ и артефакт культуры, а **предметом** – роль символа меча в современной культуре.

Цель диссертационного исследования состоит в выяснении роли символа меча в современной культуре на основании постнеклассической методологии.

Поставленная цель требует решения следующих задач:

1. Обосновать релевантность информационно-синергетического подхода исследованию процессов, в которых осуществилась трансляция символа меча в современную культуру;
2. Выявить предпосылки и основные этапы становления символа меча;
3. Определить семиотическую роль меча в культурно-обусловленных антропологических моделях;
4. Раскрыть социокультурную специфику восприятия символа меча в современной культуре.

Методологические основания исследования

При достижении поставленной цели и решении исследовательских задач автор исходил из философско-методологических результатов, полученных в пределах философии процесса А.Н. Уайтхеда, поскольку, во-первых, в этих границах была создана концепция символизма, опирающаяся на идеи Ч.С. Пирса о процессуальном становлении форм знака. Во-вторых, философия процесса А.Н. Уайтхеда стала мировоззренческим основанием, на котором И.Р. Пригожиным была создана теория самоорганизации сложных систем. В свою очередь, эпистемологические инициативы синергетики были на философском уровне обобщены В.С. Степиным и представлены в принципах созданной им постнеклассической методологии. Одним из результатов постнеклассического постижения динамики социокультурных систем стало, предложенное В.С. Степиным положение о социокоде, фиксирующее программы социального поведения, общения, деятельности и определяющее тип культуры. Вариантом применения постнеклассической методологии к междисциплинарным исследованиям динамики социокультурных систем стал информационно-синергетический подход (разработанный И.В. Мелик-Гайказян), в котором акцентированы три положения: феномен информации есть многостадийный и необратимый во времени процесс; информационные процессы есть механизмы самоорганизации сложных систем; установление аналогий между предметными областями гуманитарного знания и стадиями информационных процессов представлено как методология сопоставления различных исследовательских результатов при междисциплинарном изучении социокультурных трансформаций, а также способом определения границ применимости различных концепций, теорий и учений.

В рамках этого подхода И.В. Мелик-Гайказян создана модель семиотической динамики¹, в которой сопоставлены стадии информационного процесса и составные части семиотического механизма культуры, установленные в работах Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского: этап генерации информации сопоставлен с созданием новых смыслов («устройством», вырабатывающем информацию) – *блок 1*; этап кодирования информации – с формированием культурных кодов и знаковых систем в социокультурной динамике (*блок 2*); этап хранения информации – с ненаследственной памятью культуры (*блок 6*); этап передачи информации – с созданием «структурности культуры» (*блок 3*); этап создания информационного оператора как способа совершения целенаправленных действий – с выражением в символе структурности культуры (*блок 4*); этап тиражирования информации – с выработкой программ и моделей поведения человека в определенной культурной ситуации (*блок 5*); этап рецепции информации – с ролью «человека как получателя информации» (*блок 7*). В модели именно этот блок связывает как воздействия функций каждого из перечисленных этапов информационного процесса, так и интерпретирующего восприятия человеком всех форм культуры. Информационные механизмы каждой из перечисленных стадий социокультурной динамики приводят к формированию семиотического выражения конкретной формы культуры: идеология, «новояз», социальный миф, социальный сценарий, оператор социального действия, модель поведения. Перечисленные формы в указанной концептуальной модели образуются под действием системных функций, соответственно – нормативной, вербальной, компенсаторной, прогностической, критической, адаптивной. Модель учитывает вариативность доминирования этих функций, что позволяет выявлять дифференциацию антропологических ролей на этапах социокультурных трансформаций. Таким образом, на основе модели информационно-синергетического подхода удалось непротиворечиво объединить различные интерпретации воздействий символизма меча и осуществить моделирование процессов социокультурных трансформаций на основе прямой аналогии многостадийных информационных и социокультурных процессов, что и соответствует специфике междисциплинарных исследований феноменов и артефактов культуры².

Применение информационно-синергетического подхода позволило непротиворечиво сочетать обращения к системному, семиотическому и игровому подходам. Также для исследования были использованы качественный и количественный методы социологических исследований (Г.М. Андреева, Л.Г. Ионин, Д. Мюллер, В.В. Семенова, К. Шусслер, В.А. Ядов). Их применение сделало возможным философские экспликации результатов исследований,

¹ Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М.: Наука, 1998. С. 139

² Горбулева М.С. Модель множественных воплощений символа в информационных процессах социокультурных систем (на примере символизма меча) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. В. 1 (75). Серия: Гуманитарные науки (философия). С. 108.

направленных на выяснение форм присутствия меча в массовой культуре, в субкультурах и маргинальных сообществах.

Научная новизна исследования. На основе постнеклассической методологии выяснено, что символ меча воплощает в себе идеи защиты власти и ответственности власти, детерминировавших модели поведения свободного и благородного человека в ушедших культурных эпохах, а роль символа меча в современной культуре сводится к способу временного приобщения человека к ценностям свободы и благородства – их дегустации.

Новизну работы раскрывают достигнутые **научные результаты**:

1. Обоснована релевантность информационно-синергетического подхода исследованию вариативности семиотических воплощений меча как артефакта культуры и воздействий символизма меча на человека в современной культуре, что позволило определить процессы его трансляции как взаимосвязь трансформаций его символики и функций символа.

2. Выявлено архетипическое содержание в семиотических формах презентации меча как культурного артефакта, обусловившее этапы становления символа меча как символа власти, культурного кода, знака социального статуса, символа свободного человека.

3. Определена роль символа меча как культурно-обусловленного алгоритма социального действия, выражающего себя в формировании модели поведения человека, наделенного правом и, следовательно, ответственностью, специфика которой проявляется в стремлении человека наполнить свою повседневность символизмом меча, вжиться в образ человека-обладателя, испытать и получить опыт свободы, ответственности, власти.

4. Раскрыта социальная специфика восприятия символа меча, которое выражено в двух формах. Первая из них формируется под действием компенсаторной функции и приводит к эффекту эскапизма. Вторая – возникает под действием адаптивной функции и выражена в феномене дегустации свободы и благородства в ситуации дифференциации ролей человека в современной культуре. В понятийный оборот философской антропологии введен термин «феномен дегустации» как обозначение возникшего в современной культуре эффекта такого приобщения к культурным ценностям, при котором человек самостоятельно устанавливает для себя период следования этим ценностям.

Положения, выносимые на защиту:

1. Обоснование релевантности информационно-синергетического подхода выявлению механизмов трансляции символов меча в культурной динамике опирается на положение данного подхода об информационном механизме самоорганизации социокультурных систем. Это положение позволяет моделировать процессы социокультурных трансформаций на основе прямой аналогии многостадийных информационных и социокультурных процессов, что соответствует специфике междисциплинарных исследований феноменов и артефактов культуры. Следствием этого становится моделирование информационных процессов самоорганизации во взаимосвязи семиотического выражения ее стадий и функций образуемых структурных

уровней. В свою очередь, отмеченные функции есть зависимости семиотических воздействий форм культуры и интерпретаций этих воздействий, что вскрывает два истока вариативности: 1) вариативность воплощений артефакта культуры в семиотических формах, зависящая от актуализации компонент знака на конкретных стадиях социокультурной динамики; 2) вариативность интерпретаций, зависящая от роли, которую выполняет человек в конкретной культурной ситуации. Вскрываемая вариативность находится в соответствии с результатами конкретно-научных исследований меча и концепциями символа, созданными в традиции философии процесса. Обобщение этих результатов на основе модели позволило реконструировать процессы трансляции символа меча в современную культуру. На основе модели установлены в культурно-исторической ретроспективе семиотические формы, выражающие меч как культурный артефакт, что выявило взаимосвязь трансформаций его символики, под которой понимаются семиотические вариации компонент символа, и функций символа, под которыми понимаются воздействия социокультурной формы компактификации значения.

2. Выявление архетипического содержания в семиотике меча опиралось на теорию архетипов, в частности на содержание архетипа героя, что в соединении с моделью семиотической динамики позволило установить этапы становления символа меча как символизацию власти, ее вербальных кодов, детерминируемых ими социальных иерархий и символизации модели героя как свободного и благородного человека.

3. Определение роли символа меча как культурно обусловленного алгоритма социального действия основывается на реконструкции формирования и воспитания человека, имеющего право обладать мечом. В культурной динамике эта специфическая модель имела инварианты, направленные на формирование ментальных и поведенческих стереотипов, обусловленных существующей иерархией различных культурных эпох, ситуаций, слоев.

4. Специфика восприятия символа меча в современной культуре раскрыта на основе модели семиотической динамики, позволяющей корреспондировать системные функции культуры и формы культуры. К числу таких функций относятся нормативная, вербальная, компенсаторная, прогностическая, критическая и адаптивная. Выяснено, что в современной культуре символ меча вызывает действие компенсаторной и адаптивной. Компенсаторную функцию вызывает действие механизмов хранения культурной памяти. Под ее действием возникает такая форма культуры как социальные мифы. В современном бытовании символа меча действие этой функции приводит к эффекту эскапизма, под воздействием которого человек уходит в игровую реальность, компенсируя проблемы реального существования. Действия адаптивной функции, выраженные в тиражировании модели поведения человека, владеющего мечом, привели к раскрытию социокультурной специфики восприятия символа меча, выражающей себя в новом культурном феномене – феномене дегустации социальной роли человека. В условиях дифференциации ролей человека в современной культуре обращение к мечу как к предмету,

утратившему практическое значение, есть обращение к символу этого предмета в качестве символа власти, свободы, благородства. В этом обращении человек дегустирует преимущества и ответственность, налагаемые культурно обусловленной моделью поведения человека, имеющего право владеть мечом.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в выяснении существования символов, принадлежащих ушедшим эпохам культуры, и обозначающих свое присутствие в современной культуре. Выявленный в диссертации эффект «дегустации ценности» нашел применение при выполнении проектов РФФИ № 08-06-00109-а «Технологии информационного общества: методология диагностики», № 10-06-00313–а «Аттрактивный менеджмент: методологические принципы управления динамикой сложных систем». Результаты исследований могут иметь практическое значение при осуществлении гуманитарных экспертиз социальных технологий, а также при разработке философско-антропологических разделов курсов по педагогике, социологии и культурологии.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования изложены в публикациях автора, а также были представлены и обсуждены на следующих научных и научно-практических конференциях и семинарах различных уровней: Всероссийская научная конференция с международным участием «Системы и модели: границы интерпретаций» (6-10 ноября 2007 г.); XII Всероссийская конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (21-25 апреля 2008 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Конструирование человека» (12-15 июня 2008 г.); XIII Международная научно-практическая конференция студентов аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (21-24 апреля 2009 г.); III Всероссийская научная конференция с международным участием «Конструирование человека» (5-8 июня 2009 г.); III Всероссийская научная конференция с международным участием «Системы и модели: границы интерпретаций» (г. Томск, 14-16 февраля 2010 г.). Значимость результатов исследования подтверждается включением их обсуждения в программу V Всероссийского Философского конгресса (25-28 августа 2009 г.).

Структура и объем диссертации. Цель и задачи диссертационного исследования определили структуру диссертации, последовательное решение которых отражено во введении, двух главах, каждая из которых включает в себя по 3 параграфа, заключения и приложения. Ее объем составляет 123 страницы текста диссертации и 47 страниц приложений. В этот раздел вошли 60 рисунков – иллюстративный материал, собранный автором для анализа визуальных презентаций меча в массовой культуре, и 6 таблиц, составленных автором для упорядочивания фактического материала, на основе которого в работе проводилось исследование роли символа меча. Список литературы состоит из 245 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень ее разработанности, формулируются цели, задачи, выносимые на защиту, определяется научная новизна.

В **первой главе «Меч как предмет и символ в динамике культуры»** обосновано применение информационно-синергетического подхода, реализующего принципы постнеклассической методологии, для рассмотрения феномена меча. Приведены историко-культурные предпосылки многослойности символа меча и сложившиеся траектории трансляции символики меча.

В **параграфе 1.1. «Релевантность информационно-синергетического подхода исследованию символа меча»** обосновано применение концептуальной модели информационных механизмов социокультурной динамики, разработанной И.В. Мелик-Гайказян, в качестве методологической стратегии диссертации. Данному обоснованию предшествует разграничение понятий «символ» и «символика». Под символом в работе понимается социокультурная форма компактификации значения, имеющего архетипическое содержание и являющегося результатом диахронических трансляций. Такая трактовка позволила объединить понимание символа в психоаналитической традиции и понимание символа в результате синтеза неокантианской и феноменологической позиций, осуществленного С.К. Лангер. Однако неизбежность пребывания символа в культуре сочетается с вариативностью результатов его трансляций. Данная вариативность нашла объяснение при следующей трактовке символики. Под символикой в диссертации понимается семиотические вариации различных компонент символа. Итак, в культуре транслируются семиотические формы символа – или символика – и при определенных социокультурных условиях эти формы знака образуют нерасторжимый сплав, становящийся собственно символом. На основе исследований воздействия символизма, выраженных А.Н. Уайтхедом, условием становления символа («переворота в символизме») является «очищение посредством концептуального анализа». Это достигается при вербальном выражении семантической составляющей символики, что является в принципиальной степени спонтанным событием в культурной динамике. В связи с этим актуализировано выделение С.К. Лангер двух видов символизма: «дискурсивный символизм» и «презентативный символизм». Следует отметить, что данный результат достигнут С.К. Лангер на основе проведенных ею обобщений философских позиций и выводов Ч.С. Пирса, А.Н. Уайтхеда и Э. Кассирера. Таким образом, символ становится результатом дискурсивного постижения внешних выражений знаков, составляющих реальность существования человека в культуре, а символика – есть результат тиражирования в культуре отдельных компонент символа. Иными словами, символ есть результат «дискурсивного символизма», а символика – «презентативного символизма». На этих основаниях диссертантом сделан вывод о том, что символика есть существование некоторой вещи, некоторого предмета в качестве семиотического объекта. Символ – есть дискурсивное

выражение идеи либо лежащей в основе самобытной эпохи культуры, либо создающей новую модель поведения человека в этой возникшей культурной действительности. Следовательно, символика устанавливается во всех формах презентации (прежде всего – в визуальных презентациях), а символ – в текстах, в которых «презентативная непосредственность» символики проходит «очищение посредством концептуального анализа». В параграфе на основе известных примеров символизации меча сделан вывод о том, что условием релевантности методологии исследования основным задачам диссертации и специфике ее предмета должны быть возможности избираемой методологии, позволяющие реконструировать трансляции символики конкретных артефактов; семиотические методы, выявляющие формы динамики знака, выражающего эти артефакты; и философско-методологические методы, дающие обобщение конкретных результатов. При этом способ философско-методологического обобщения должен учитывать как вариативную процессуальность становления семиотического объекта, так и устойчивость существующих его знаковых форм – то есть учитывать результаты семиотических исследований, достигаемых в различных пределах семиотики как в традиции, заложенной Ч.С. Пирсом, так и Ф. де Соссюром. И последнее условие, которому должна отвечать методологическая стратегия диссертационного исследования для корректного использования результатов синтеза различных подходов к решению философской проблемы символа, достигнутых А.Н. Уайтхедом и С.К. Лангер, – это условие в необходимости релевантного учета *воздействий* символа на конструируемую человеком реальность.

В параграфе 1.1. (на стр. 28 текста диссертации) приведено графическое изображение модели информационных механизмов социокультурной динамики. В разделе дано обоснование релевантности модели, разработанной И.В. Мелик-Гайказян, перечисленным выше требованиям исследования.

Первое. Модель выражает строго определенную последовательность в смене стадий семиотической динамики, что соответствует процессуальной по своей сути концепции семиозиса Ч.С. Пирса и философии процесса А.Н. Уайтхеда. При этом сами стадии фиксируют те элементы семиотического механизма культуры, которые были вскрыты Ю.М. Лотманом и Б.А. Успенским в традиции, заложенной Ф. де Соссюром. Тем самым модель дает возможность сочетать результаты, достигнутые в различных разделах семиотики. Это отвечает требованию к способу исследования семиотических механизмов трансляции в современную культуру символики меча.

Второе. В последовательности стадий, выраженной моделью, есть этапы, которые связаны с вербальным кодированием значения транслируемой информации. А поскольку в модели начало каждого из этапов становится возможным после завершения предыдущего, следовательно, само разворачивание процессов трансляции принципиально вариативно, то это отвечает требованию учета как появления вербального выражения семантики символа, так и учета случайности этого события в интеллектуальной истории культуры.

Третье. Установленный в модели механизм семиотической динамики позволяет корреспондировать формы культуры и системные функции культуры, что в свою очередь открывает методологические возможности проследить направления воздействия семиотики культуры на человека. Это отвечает требованию к способу исследования роли символа меча – установить конкретные виды воздействия исследуемого символа.

В параграфе раскрыты обоснования релевантности модели проблемным областям данного исследования и сделан вывод о ее методологических возможностях осуществить рефлексию исторического материала, касающегося существования меча как предмета. Междисциплинарные потенциалы модели дают средства сопоставить результаты исследования становления символики меча, достигнутые в различных областях гуманитарного знания.

Все это вместе определяет стратегию диссертационного исследования, реализация которой способна выявить историко-культурную динамику меча как предмета и образа, тем самым дать основания для вскрытия специфики как транслирования символики и символа меча, так и его восприятия и трактовки индивидом в современности.

В параграфе 1.2. «Предпосылки и основания символических свойств меча» рассмотрено формирование символических форм меча в соответствии с логикой используемой концептуальной модели информационных механизмов социокультурной динамики, разработанной И.В. Мелик-Гайказян. Исследование динамики символики меча в культуре решено начать с выяснения того, каким образом этот предмет приобретал (и приобретал ли) символические свойства. Автор предпринимает попытку установить связи между семантикой символа меча и его предметностью, выраженной в тактико-технических особенностях. В центр рефлексии исторического материала, таким образом, попадает формирование особенного отношения к оружию и различным его разновидностям, в том числе выяснение особенностей восприятия предметности меча и его семантических значений для человека на протяжении разных эпох. В параграфе кратко представлена систематика клинкового оружия по видам и функциям, цель которой состояла в демонстрации того, что образ меча, каким его представляет в своем воображении человек, основывается и связывается непосредственно с предметными характеристиками оружия:

1. Размер длины меча, который сыграл принципиальную роль в выделении его из всех видов холодного оружия для придания ему символических свойств. *Меч стал оружием людей не только особых материальных возможностей, но, прежде всего, оружием людей, обладающих особыми личностными качествами.*

2. Особенность формы была детерминирована тем назначением меча, которое избиралось в качестве основной цели его употребления, так как с функциональными особенностями данного вида оружия связана специфичность семантической составляющей его в качестве символа. *Выбор формы меча, предназначенной для указанных целей, мы считаем знаком, фиксирующим*

ментальные особенности оснований культур в хронологической или географической конкретности.

На протяжении истории меч видоизменялся и обретал новые и новые функции как практические, так и семантические (повседневные: военные, как часть костюма – гражданские; и ритуальные: парадные, церемониальные, наградные, турнирные, мечи для казни, гарнитуры для охоты). По тому, как выглядел меч, какой он был формы, как-то украшался или был простым, можно было судить для чего это оружие, какого статуса человек им обладает etc. *Таким образом, эволюция меча как предмета связана с развитием, техническим обеспечением военных действий, но предметное изменение меча сопровождалось, во-первых, неизменностью его семиотического присутствия, и, во-вторых, приобретением им новых символических значений.*

Изложенное рассмотрение утилитарной и семантической динамики меча как предмета определяет те хронологические рамки, в которых он уже на тактико-техническом уровне выделяется из остальных возможных вооружений; устанавливает на этимологическом уровне близость его разновидностей к родовому понятию, которым является меч, а также определенную независимость в избрании меча своим оружием в различных культурах; выявляет то, что жизнь меча в качестве предмета оказалась в истории короче его жизни как семиотического объекта.

Следуя логике исследования, рассматривая историческое становление значений меча в культуре, автором выявлены этапы становления семантики меча и его означивания власти, социального статуса и вербальные коды, связанные с этой семантикой, которые основаны на архетипических составляющих в различных формах презентации меча как культурного артефакта. На используемой схеме это *блоки 1 и 2*, выражающиеся, соответственно, в нормативной и вербальной функции. В свою очередь нормативная функция развивается в форму идеологии, что иллюстрируется символом меча, означающим светскую власть или религиозную идеологию, а также символом героя, мужества, силы, мощи. Из нормативной формы вытекает формирование вербальных кодов, закрепление в языке. Это иллюстрируется генерацией образных выражений, метафор, игры слов etc.

В параграфе 1.3. «Символика меча в формировании социокультурных стереотипов» рассмотрена прогностическая функция (*блок 3*), которая выражается в форме социального сценария. На данной стадии, на основании уже сложившейся семантики меча, наблюдается образование социальных стереотипов. Вокруг меча происходит формирование образа воина, морали воинского сословия, и вырабатывается понятие чести. Меч выступает в качестве индикатора статуса.

При логическом последовательном рассмотрении динамики символа меча от *блока 2* к *блоку 3*, рассмотрено формирование, культивирование касты, эстетики, традиций, морали, этикета, искусства вокруг символа меча. Меч означал принадлежность к касте воинов, статус благородного человека, статус верующего человека («Христовы воины»), играл роль семейной реликвии, которая передается из поколения в поколение.

Сформировавшись в древности, образ воина переходил из эпохи в эпоху, наслаивался и воплощался в воинах кочевых племен скифов, этрусков, викингов, галлов, кельтов, героях античности, гладиаторах древнего Рима, рыцарях средневековья, бродячих фехтовальщиках, организовавших фехтовальные союзы и братства, чемпионах, поединщиках и фехтмейстерах эпохи возрождения и последующих эпох. Он эволюционировал вместе с человеком и изменяющимися социокультурными факторами. В современности, при полной утилитарной дисфункции, меч как символ, атрибут, ярлык присутствует в культуре, что свидетельствует об очень прочном закреплении за мечом функции означивания статуса и участия меча как предмета и знака, символа в формировании социокультурных стереотипов.

Меч воспринимается человеком как атрибут свободного человека, героя, обладающего благородными качествами и ориентирующегося в своем поведении, жизненном пути на определенные правила. Понимание свободы является достаточно противоречивым феноменом. Меч как символ свободного человека накладывает большое количество правил и ограничений, кодексов, которые в какой-то степени делают человека не совсем и свободным.

Во-первых, причиной этому была и дороговизна оружия и тактико-технические особенности, а также сложившаяся семантика этого вида оружия – благородное оружие благородного рыцаря из благородного сословия. Данный стереотип сформировался с древности, когда меч могли иметь только люди определенной социальной ячейки – воины, правители, свободные граждане, но не крестьяне, рабы. То есть меч – атрибут свободного гражданина.

Во-вторых, свобода здесь может и должна пониматься не столько как свобода выбора, но как ответственность за свой выбор. Рыцарь в свое время имел больший выбор, нежели обычный крестьянин. Однако возможность такого выбора накладывает большую ответственность на исполнителя. Таким образом, в истории культуры так получалось, что модель ответственности (которая есть следствие наделения властью, силой) была связана с воспитанием человека с оружием: рыцарские кодексы чести, кодекс чести свободного человека в античности, кодекс чести самурая, дворянские кодексы. Данные кодексы не столько ограничивают свободу человека, сколько являются алгоритмами действия – причинно-следственными цепочками, помогающими осознавать свою ответственность и действовать правильно, не сбиться с пути. Эти стереотипы, социальные сценарии формировались, воспитывались во взаимодействии с мечом. Оружие изменялось, а кодекс – нет.

Во второй главе **«Человек и меч: философско-антропологическое измерение символических отношений, воздействий символа в современной культуре»** рассмотрены взаимосвязи, обозначаемые *блоками 4, 5, 6*, относящиеся к предметности философской антропологии. Задача главы – на основе методологической модели выяснить, каким образом символ меча выявляет размах дифференциации ролей и образов в настоящее время.

В параграфе **2.1. «Символ меча как оператор в алгоритмах социального действия»** показаны когнитивная и критическая функции, а именно, символ меча в качестве оператора социального действия. Это *блок 4* в

модели информационных механизмов социокультурной динамики, на стадии которого происходит кодирование структур с помощью знаков.

Также, являясь оружием героя, защитника, обладая магическими свойствами защиты, меч становится инструментом героя в борьбе за добро и справедливость. Символ меча становится частью поведенческих моделей. Складывались алгоритмы социального действия человека, который владеет оружием, в частности мечом. Семантика ритуалов важна и показательна для исследования. Меч является инструментом действия, частью ритуала – как модели для повседневного воспроизведения. Ритуал является определенным алгоритмом действий, которые совершались по строгому порядку. Каждое действие и предмет имеют смысл. На протяжении истории меч был частью ритуалов (ритуальные танцы с мечами, погребальные обряды, ритуалы обращения с оружием, ритуальные поединки: воинский поединок (аристия), судебный поединок (хольмганг, Божий суд, ордалия), гладиаторские бои, рыцарские турниры, карусель, ASSO, дуэли, «мензура», соревновательные и спортивные формы поединков) в разной степени сохранившихся и сегодня.

Учитывая описанные наложения символики и семантические свойства в ритуалах и ритуальных действиях (обрядов, поединках), можно предположить, что где-то в этот промежуток меч стал именно символом. Именно когда меч дает достаточно определенное понимание действительности и через своды правил и кодексы формирует поведенческие алгоритмы – за ним закрепляется функция оператора (блок 4).

После того, как холодное оружие было практически вытеснено из области боевого применения, имея многоуровневое символическое значение, оно сменило область применения. То есть закрепление разнообразных семантических значений за предметом, выделение символа, даже после утилитарного обесценивания, продолжают «символическую» жизнь предмета (меча), который имеет различные семантические пласты («сплав» значений) и выполняет определенные социокультурные функции в культуре, пронизывая ее как «слоеный пирог». Таким образом, выделяются функции меча на протяжении истории: практическая, боевая, утилитарная (непосредственное применение по назначению, фехтование); семантическая (богатое семантическое наследие в религиозном и светском искусстве); социальная (обозначение принадлежности к касте воинов, высшему сословию, благородство происхождения; дуэль, поединок – социальное урегулирование); статусная (меч как атрибут, символ высшей власти, меч, которым совершили героический поступок – символ мужества, обозначение оружием статуса своего владельца, обладание мечом – знак силы, власти, свободы, чести); религиозно-ритуальная (ритуал инициации, определения статуса, посвящения в рыцари, коронация, над преступником ломали шпагу, казнь мечом, клятва на мечах, обряд погребения воина с мечом); культурная (связь поколений – передача фамильного оружия, уважение к старине и предкам; церемониальные мечи, мечи города, монарха – культурное и национальное достояние); эстетическая (церемониальное, парадное, наградное оружие – произведения искусства, эквивалент вкуса, богатства; искусство, эстетика фехтования).

Итак, во втором параграфе третьей главы рассмотрены ритуалы, в которых используется меч в качестве предмета, символа, атрибута и некоторые поединки на мечах, а также их значение. Каждое движение в ритуалах имело определенный смысл, который имел большое значение для человека, владеющего оружием. Все действия выстраиваются в соответствии с кодексами, правилами, которые формируют образ «человека с мечом», порядок действия, сценарий его повседневности. Различные поединки и ритуалы, сформированные алгоритмами социального поведения человека, которые воплощаются в моделях поведения человека с мечом, являются воплощением когнитивной функции (блок 4). Сплав смыслов, которые выражает исследуемый предмет (меч) и способ понимания действительности посредством восприятия символа может рождать либо свидетельствующие об архетипичности образы, как инвариант, либо нехарактерные, расходящиеся – как выражение вариативности, которую отражает модель.

В параграфе 2.2. «Символ меча в построении моделей поведения» рассматривается вызванный символом меча (блок 4) некоторый образ поведения (блок 5). Здесь выражена адаптивная функция, под действием которой происходит создание такой культурной формы, как новая модель социального поведения, то есть символ меча, воплощенный в поступке, выражен в том, что называется фехтованием. В этой части продолжено исследование существования символа меча в современной культуре. Исследование трактовки и восприятия символа меча и его прикладного воплощения в современной культуре привело к выделению различных видов современного фехтования и молодежных субкультур, которые зачастую образуются именно вокруг различных клубов, групп, культурных образований (традиционное – национальное, боевое – историческая реконструкция, спортивное, ветеранское, фехтование в инвалидных колясках, терапевтическое, сценическое – театральное – артистическое, игровое – ролевое, «пассивное»). Фехтование можно трактовать как частный случай воплощения символики меча в современной культуре (в случае с отдельным человеком, его мотивами, восприятием, деятельностью), так и феномен, имеющий некоторое общекультурное значение (в случае рассмотрения с точки зрения развития культурных, социальных, эстетических и других сторон фехтовального искусства). Кроме Интернет-ресурсов, информацию о данных субкультурах трудно в достаточном объеме найти в литературе. Поэтому автор основывается на результатах социологических исследований (качественное, количественное, полевые исследования, серия интервью) проведенных в период 2006-2009 годов, показавших разнообразие представленной символики меча, различных видов фехтования и околочечевых культур, что свидетельствует о востребованности фехтования и его популярности среди большого количества людей.

Важная составляющая ролевого, фэнтезийного, аниме и реконструкторского воплощения образа меча в современной культуре – игра. Это существенная часть всех действий – повседневных и праздничных, спортивных и творческих. Игры выстраиваются различные в зависимости от

контекста и условий, однако все они базируются в той или иной мере на специфических моделях. Игра сама по себе – ритуальное действие. Но и на другом уровне это действие (сама игра, ее правила) моделируется на основе поведенческих стереотипов (герои, кодексы, традиция, обряды и ритуалы etc.).

При иллюстрировании *блока 5*, где символ является моделью для построения новых моделей поведения, новых социальных сценариев, основанных на человеческом опыте, ярким примером является ролевое (игровое) и историческое (реконструкторское) фехтование. В различных вариантах развития выбор может привести к связи образа меча со следующим из него поступком, моделью поведения на основе человеческого опыта относительно символа. Модель поступка (*блок 5*) может иметь адаптивный характер для самого человека. Если же опыт дает человеку основания для обращения к *блоку 6* (память), то это можно считать эскапизмом, изоляцией в «социальном мифе» с функцией компенсации недостающего для человека «элемента» в реальности.

В параграфе 2.3. «Социокультурная специфика восприятия символики меча в современной культуре» автором подчеркивается парадоксальная ситуация на фоне необратимой социокультурной динамики: чем меньше становится прагматическое значение меча, тем большее семантическое значение он получает. В результате логических рассуждений, опираясь на методологические средства, автор приходит к выводу о том, что в символе меча сконцентрирована антропологическая доминанта культуры как в принципиальной степени коллективном феномене. Таким образом, символ меча фиксирует признание ценности субъективных факторов, роль которых в культуре носит дискуссионный характер. На странице 115 диссертации приведен графический вид модели восприятия символа меча в современной культуре, что в наглядном виде демонстрирует выводы, полученные на основе избранной методологической стратегии. Так, меч становится символом власти, мужества, свободы (*блок 1*), а затем атрибутом и индикатором социального статуса, частью образа героя (*блок 3*), что оказало влияние на формирование представления о социальной роли человека вооруженного (*блок 4*), появлению кодексов и сводов правил поведения (бусидо – неписаный кодекс поведения самурая, рыцарские кодексы, дворянские кодексы чести и правила дуэлей) и построению новых схем и алгоритмов социального поведения (*блок 5*). Следуя логике модели информационно-синергетического подхода, генерируемый символ меча (*блок 1*), который фиксируется в коде (*блок 2*) либо реализуется в жизни, (образование нового уровня или генерирует качественно новую социальную структурность), либо становится достоянием культурной памяти (*блок 6*). Данный блок представляет компенсаторную функцию и выражается в форме социального мифа. Последовательная динамика от идеологической формы (*блок 1*) через вербальную функцию (*блок 2*) закрепляется в культуре как ненаследственная память (*блок 6*), передаваемая из поколения в поколение. Выражение эта форма находит в мифах, легендах, сказаниях, сказках, а с развитием культуры и ее материально-технологической составляющей мы

наблюдаем новые виды искусства и развитие уже известных (презентативный символизм мифического восприятия действительности С.К. Лангер).

На вопрос об актуальности присутствия меча в повседневности современного человека автор дает ответ, подходя к рассмотрению вопроса с различных точек зрения восприятия времени как одного из показателей сущности культуры. В этом смысле показательно «обратное» восприятие времени у полинезийцев (поскольку прошлое всегда перед человеком, он его знает, будущее – позади, его не видят). Это пример первобытного мышления, детского мышления. Когда человек взрослеет, он учится планировать свои дела в будущем, и вся его жизнь устремлена вперед (В.В. Иванов). Здесь же приводится пример, когда в XVIII-XIX веках парадигма мышления людей поменялась (под воздействием научно-технического взлета), и все их мысли устремились в будущее, что продолжается и в наше время (хотя, можно считать, «детское» восприятие времени является естественным для человека). Таким образом одной из причин стремления человека к присутствию символа меча в своем образном (увлечение литературой, играми, коллекционированием) или предметном (занятия фехтованием, реконструкцией) выражении может быть, с одной стороны, желание возвращения к своему прошлому, своим корням, к традициям в самом широком смысле этого слова, а с другой – как бы подсознательный протест против искусственного «культурного» восприятия времени, как направленного в будущее, в неизвестность. При всей неизбежности современной парадигмы развития традиционность имеет несомненные плюсы: предсказанность событий, нормативность поведения, включая ритуалы боев и турниров, четкая статусность etc.

Еще одна точка зрения – появление протестантского, практического восприятия мира, когда на смену идеалам чести и благородства приходят идеалы пользы и дела. Если вдуматься в смысл такого мировоззрения, то можно обнаружить своеобразный идеал этой «философии скупости» (М. Вебер), от холодности и расчетливости которого человек в современности устает. Возможность возвращения в эпоху, когда слово, клятва, служившие лучшей гарантией исполнения обещанного, привлекает романтикой мировосприятия этого времени. Символ меча, обилие и многообразие «меченосных образов» в современности являются как бы проводником в мир прошлого, романтики, чести, свободы, и, в каком-то смысле, тяготением к развитию и открытиям будущего. Как полагает С.К. Лангер, причиной изобилия символов могут быть интеллектуальные потребности взрослеющего человечества. Когда для человеческого ума появляются новые неиспользованные возможности, бедность повседневного языка становится острой проблемой. Восприятие опережает понимание настолько, что каждая фраза, какой бы привычной и точной в своем традиционном значении она ни была, приобретает неясную ауру будущего значения. Такое состояние ума является особо благоприятным для развития метафорической речи. А, следовательно, метафор и образов в культуре.

С учетом результатов социологических исследований автором выделена специфика восприятия меча, его символа и образа в современной культуре:

1) свойство символа способствовать погружению в историю, другие миры; 2) свойство символа дает возможность для социокультурного соотнесения человека с какой-либо социальной, культурной группой, предками, обозначение своих культурных, этнических, ментальных особенностей, приоритетов, обычаев etc.; 3) формирование эксклюзивной группы вокруг определенной символики и связанной с этой символикой; 4) эстетическая составляющая.

Таким образом, символ меча и его прикладные воплощения в различных видах фехтования, околочечевых субкультур, клубов реконструкции продолжает жить в современности, выполняя функции теперь не столько утилитарного характера, сколько культурно-развивающие, эстетические, социокультурные. Выяснено, что символика данного вида оружия дает возможность на многих уровнях примерить, попробовать, отыграть, прорепетировать, дегустировать свободу, власть, различные роли, миры и другие реальности. Таким образом, для современной культуры характерно действие компенсаторной и адаптивной функций, вызванных символом меча.

Компенсаторную функцию вызывает действие механизмов хранения культурной памяти. Под ее действием возникает такая форма культуры как социальные мифы. В современном бытовании символа меча действие этой функции приводит к эффекту эскапизма, под воздействием которого человек уходит в игровую реальность, компенсируя проблемы реального существования. Действия адаптивной функции, выраженные в тиражировании модели поведения человека, владеющего мечом, привели к раскрытию социокультурной специфики восприятия символа меча, выражающей себя в новом культурном феномене – *феномене дегустации социальной роли человека*.

Подчеркнем, что этот феномен специфичен для современной культуры, когда человеку предоставлена возможность выбора, основанного на дифференциации ролей, религиозном плюрализме, толерантности и связанным с ней многообразием взаимодействий etc. Но необходимо отметить, что в лексиконе философии культуры и философской антропологии нет понятийных аналогов того, что мы фиксируем во вскрытом в диссертационном исследовании феномене дегустации.

В **Заключении** диссертации подводятся итоги, формулируются основные выводы работы, указываются перспективы дальнейших исследований, связанные с выяснением информационных механизмов символизации властных отношений, вызывающих в современной культуре эффект «дегустации ценностей».

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Горбулёва М.С. Символико-ритуальные характеристики меча в современной культуре // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 11 (74). Серия: Гуманитарные науки (философия). С. 89-91.

2. Горбулёва М.С. Модель множественных воплощений символа в информационных процессах социокультурных систем (на примере символизма меча) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. В. 1 (75). Серия: Гуманитарные науки (философия). С. 104-109.
3. Горбулёва М.С., Шабанов Л.В. Маргинальность как симптом срыва социальной адаптации // Высшее образование в России. № 9, 2008. С. 109-113.
4. Горбулёва М.С. Оружие символа и символ оружия: семиотические границы образования // Высшее образование в России. № 10, 2009. С. 99-102.
5. Горбулёва М.С. Функции меча как модели поведения в системе культуры // Системы и модели: границы интерпретаций: сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Томск: Издательство ТГПУ, 2007. С. 50-52.
6. Горбулёва М.С. Меч как дегустация свободы // Системы и модели: границы интерпретаций: сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Томск: Издательство ТГПУ, 2008. С. 108-113.
7. Горбулёва М.С. Социокультурные основания реконструкции символов меча и фехтования // Наука и образование в культуре и обществе: Международная научно-практическая конференция. – Омск: Издательство ОмГПУ, 2008. С. 106-110.
8. Горбулёва М.С. Человек и меч // Конструирование человека: Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. Т. 1. Ч. 2. Томск: Издательство ТГПУ, 2008. С. 18-21.
9. Gorbouleva. M.S. Sword as a symbol of death // Construction of a Man: Reports of All-Russian scientific conference with international participation. In 2 Vol. / Tomsk: TSPU Press, 2008. Vol. 2. P. 34-36.
10. Горбулёва М.С. Образ меча: предметность и символика в современности // Конструирование человека: Сборник статей. – Томск: Издательство ТГПУ, 2008. С. 20-54.
11. Горбулёва М.С. Восприятие символа как феномен дегустации культуры // Конструирование человека: сборник трудов III Всероссийской научной конференции с международным участием. – Томск: Издательство ТГПУ, 2009. С. 69-72.
12. Горбулёва М.С. Интерпретации символика меча в современности // Системы и модели: границы интерпретаций: Сборник трудов III Всероссийской научной конференции с международным участием. – Томск: Издательство ТГПУ, 2010. С. 88-90.
13. Горбулёва М.С. Специфика семиотики меча в современности: срыв адаптации и дегустация // Труды института теории образования ТГПУ / Под. ред. В.И. Ревякиной. Вып.5. – Томск: Издательство ТГПУ, 2010. С. 83-86.
14. Горбулёва М.С. Символика меча в современной культуре: конструирование феномена дегустации реальности: феномен дегустации // Конструирование человека: Сборник трудов IV Всероссийской научной конференции с международным участием: в 2 т. Т. 1. – Томск: Издательство ТГПУ, 2011. С. 164-168.